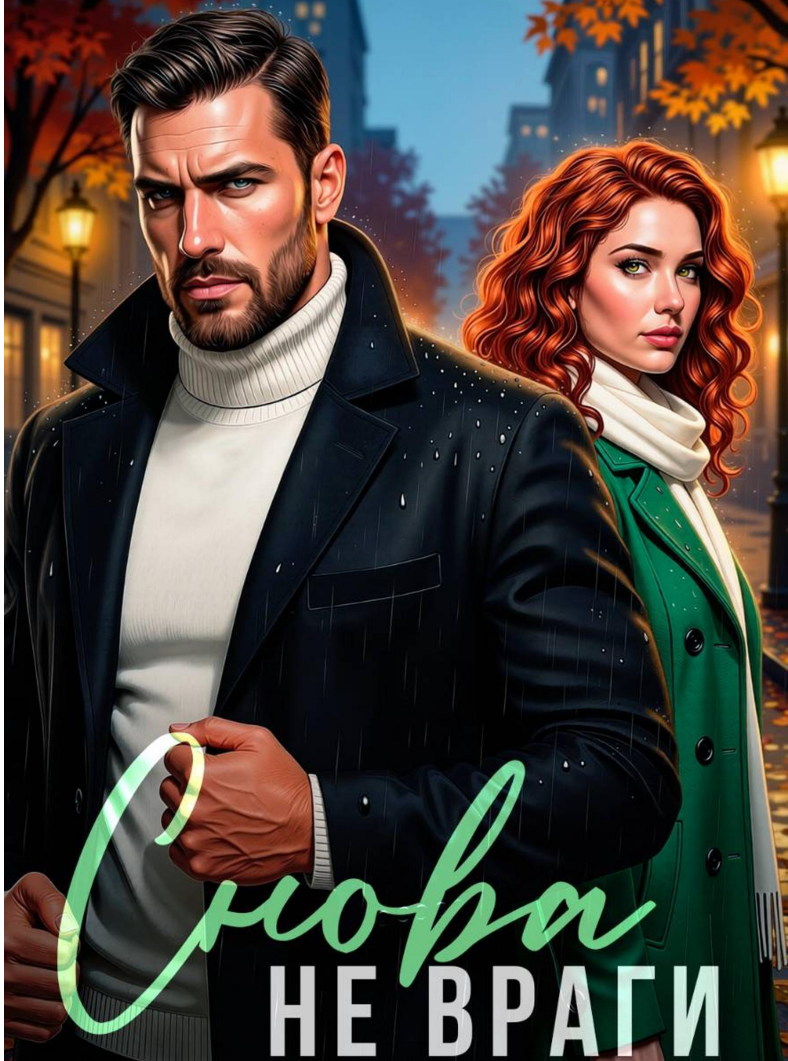

РАЗ ИЯ О ГАНЕЗОВА

Снова
НЕ ВРАГИ

Разия Оганезова

Снова не враги

<https://litres.ru/74674948>

SelfPub; 2026

Аннотация

Чтобы получить наследство бабушки, ему нужно снова сойтись с бывшей женой — и прожить под одной крышей целый месяц.

Александр — архитектор-перфекционист, привыкший всё контролировать. Полина — кондитер, для которой дом — это не стены, а уют. Она ненавидит его за то, что он всегда прав. Он раздражается на неё из-за того, как она разбрасывает вещи по дому. Но когда они начинают делить одну спальню (условие завещания!), выясняется, что их чувства никуда не исчезли... просто спрятались за ворохом обид.

Это история о том, как два человека, которые поклялись больше никогда не видеть друг друга, вынуждены заново научиться быть вместе. Снова. Не враги.

Но чем дольше они живут под одной крышей, тем яснее становится: у бабушки были свои причины оставить такое необычное завещание. Иногда самые крепкие стены строятся не из кирпича, а из обиды. И иногда достаточно одного дождя, чтобы смыть всю боль.

Снова не враги

ПРОЛОГ

Три года назад

Я стояла посреди спальни, сжимая ручку чемодана так, будто она была единственным, что не давало мне рассыпаться на части. Вещи ложились внутрь без всякой системы: свитер, который я надевала в ту поездку в горы, где мы ещё смеялись над одними и теми же шутками; футболка, которую Александр стащил у меня и носил по выходным; пара книг, которые я не могла заставить себя оставить.

В дверном проеме стоял он. Спокойный, слишком спокойный — и от этого становилось только больнее.

— Ты уверена, что это нужно делать прямо сейчас? — спросил он будничным тоном, будто речь шла не о конце нашей жизни вдвоем, а о перестановке мебели.

Я резко выпрямилась, пальцы побелели на ручке чемодана.

— А когда? Когда будет «удобно»? Когда мы научимся не замечать друг друга? Когда перестанем даже злиться, потому что станет всё равно?

Он чуть поморщился, будто я сказала что-то слишком громкое, слишком настоящее.

— Не надо делать из этого спектакль, Полина. Мы взрос-

лые люди. Мы просто... перестали быть парой.

«Просто», — эхом отозвалось у меня внутри. Как будто можно вот так легко, одним словом, стереть пять лет, которые мы прожили бок о бок.

— «Просто» — это когда ты забываешь купить хлеб. А это... — я обвела рукой комнату, нашу комнату, где даже пыль на полках казалась общей, — это не просто. Это конец.

Александр шагнул вперёд, но тут же замер, будто сам испугался этого движения.

— Я не хочу ссориться. Давай без криков, без упрёков. Просто... давай разойдёмся нормально. Зачем ты устраиваешь драму?

— Нормально? — голос сорвался, и я уже не пыталась его удержать. — Нормально — это когда люди разговаривают. Когда они садятся и говорят: «Слушай, у нас всё плохо, давай подумаем, как это исправить». А не когда один молча ставит точку в переписке, а второй узнаёт об этом случайно.

Он опустил глаза. И в этом жесте было столько усталости, что на секунду мне захотелось всё бросить, закрыть чемодан, подойти и просто обнять его. Но я вспомнила ту переписку. Вспомнила, как он не ответил на три моих сообщения подряд. Вспомнила, как в последнее время мы говорили только о бытовых мелочах: «Ты заберёшь посылку?», «Не забудь про счёт за квартиру». И поняла, что если я сейчас подойду, это будет не спасение — это будет капитуляция перед тишиной, которая нас съедала. И все равно потом исход будет та-

ким же, но только будет еще больнее.

— Ты даже не пытаешься понять, как мне больно, — прошептала я, и голос стал тихим, почти чужим. — Ты просто хочешь, чтобы всё было... удобно. Удобно для тебя...

— Я не умею делать по-другому, — вдруг сказал он, и в этих словах прозвучало что-то похожее на признание поражения. — Я не знаю, как вытаскивать нас из этой ямы. Каждый раз, когда я пытаюсь что-то сказать, получается только хуже.

— Потому что ты не говоришь ничего настоящего! — снова вспыхнула я, и слёзы наконец прорвались, горячие, злые. — Ты прячешься за «всё нормально», за «потом разберёмся», за «не сейчас». А «сейчас» уже ушло.

Он хотел что-то ответить, но слова застряли у него в горле. Я видела, как он подбирает их, как пытается найти хоть одну фразу, которая всё исправит. Но таких фраз не было. Их давно не осталось.

Я застегнула чемодан, шелкнуло так громко, будто это был замок, запирающий целую жизнь.

— Если бы ты хотел всё исправить, ты бы начал еще месяц назад. Ещё два месяца. Ещё полгода. А теперь... теперь поздно.

Я прошла мимо него, не глядя, потому что если бы посмотрела — сломалась бы. В коридоре пахло осенью и чем-то давно забытым, чем-то из тех дней, когда мы только начинали и верили, что любые бури можно переждать, прижав-

шись друг к другу.

У двери я остановилась, рука легла на холодную ручку.

— Знаешь, что самое горькое? — тихо сказала я, почти не надеясь, что он услышит. — Не то, что мы расстаёмся. А то, что в какой-то момент мы перестали хотеть остаться вместе.

— Ну и катись! Кому ты нужна кроме меня? — устало прокричал вслед муж, взъерошив волосы.

— Глаза мои бы тебя больше не видели! — зло проговорила, переступая порог дома.

И ушла, оставив за спиной невысказанные обиды и тишину, которая теперь была не уютной, а пустой.

ГЛАВА 1

Наши дни

— Александр Васильевич, вы меня слышите?

— Что? Простите, задумался. Что вы сказали?

— Ваша бабушка завещала вам усадьбу, но с одним условием. Вы должны прожить в ней месяц с женой в одной спальне. Это же не проблема?

Так и хотелось передразнить как из мема “Это же не проблема?”

Проблема, да еще и какая. Мы с бывшей женой расстались три года назад.

И не горели желанием видеть друг друга.

— Наталья Петровна, я не знаю, — смысла обманывать нотариуса не видел.

— Для Полины Александровны, Вера Ивановна тоже оставила письмо.

— Что в нем? — тихо уточнил, напрягаясь.

— Я не знаю, оно запечатано. Думаю, вам нужно взять его с собой при разговоре с женой.

— А что будет, если условия не будут выполнены? — уточнил, понимая, что ответ мне не понравится.

— Дом уйдет государству.

Я мог бы купить сотни таких домов, но именно в этом жила история нашей семьи и мне совсем не хотелось, чтобы она была забыта.

— Я вас понял. Сколько у нас есть времени? — проговорил устало, проводя рукой по лицу.

— До конца недели вы должны заехать в усадьбу и прожить там до декабря.

Прикрыл глаза, делая глубокий вдох.

— Хорошо, спасибо, я вас наберу, — хруст сломанной ручки в руках как будто положил конец этому разговору.

Теперь мне предстоял самый сложный разговор. Пожалуй такой, который может разделить мою жизнь на до и после. Но самое главное, я даже не знал, с чего его начать.

Я прекрасно помнил номер бывшей жены. Наизусть. Он сидел на подкорке, вбитый годами. Разбуди меня ночью, повторю. Но как с ней говорить, я совершенно не имел пред-

ставления.

Я увидел её ещё до того, как она меня заметила. Она стояла у входа в кафе, чуть щурилась от солнца, поправляла шарф — и в этом привычном жесте было что-то до боли знакомое, будто все как раньше и не прошло три года после нашей последней встречи. Но стоило ей поднять глаза, и я понял: это уже не та Полина, которую я знал раньше.

Три года. Всего три года, а она будто собрала себя заново — и получилась совсем другая. Ярче. Увереннее. В ней не осталось той осторожной мягкости, с которой она когда-то старалась не задевать мои углы. Теперь в её взгляде была твёрдость, в осанке — спокойная сила. Она не искала одобрения, не пыталась сгладить острые края. И, странное дело, от этого мне вдруг стало не по себе — и одновременно... это было очень красиво.

— Саша? — произнесла она, и в этом имени прозвучало не столько удивление, сколько принятие. Будто она была готова к этой встрече. Или даже ждала её.

Я кивнул, не сразу найдя слова. Внутри всё смешалось: радость от того, что вижу её, и страх, что сейчас все пойдет не так.

— Привет, — сказал я, стараясь говорить спокойно. — Ты... ты отлично выглядишь.

Она чуть улыбнулась — не той прежней, извиняющейся

улыбкой, а настоящей, легкой, без напряжения.

— Спасибо. Ты тоже. Жизнь, делает нас интереснее с каждым годом. Ведь каждое событие делает нас сильнее.

Мы сели за тот самый столик у окна — наш старый, любимый. Тот, где когда-то спорили, кто будет пить капучино, а кто — латте, где строили планы на лето, которые так и не сбылись. Официантка принесла меню, и на секунду мне показалось, что мы просто старые друзья, которые встретились случайно. Но это было не так.

Пока Полина листала меню, я ловил себя на том, что разглядываю её: как она держит меню, как чуть наклоняет голову, когда слушает, как уверенно произносит: «Мне, пожалуйста, чай с бергамотом. И без сахара». Раньше она всегда спрашивала: «А ты что будешь?», будто её выбор зависел от моего. Теперь она выбирала для себя. И это было правильно. И от этого мне становилось тяжело.

— Знаешь, я не просто так тебя позвал, — наконец выдал я, чувствуя, как слова застревают в горле. — У меня... новости. От бабушки.

— Но... Веры Ивановны больше нет, - порывисто выдохнула Полина. — Сочувствую, прости, не смогла быть на похоронах, была в другом городе. И ты ведь знаешь, я не люблю все эти сборища лицемеров, которые говорят напыщенные речи, когда уже человека нет. А при жизни даже не навещают его.

— Да я помню...

Полина подняла брови, но не торопила. Просто смотрела на меня, спокойно, без суеты.

— Она оставила завещание. И... там есть условие. Для нас обоих.

Она замерла на секунду, но тут же взяла себя в руки.

— Для нас? Мы же... — она чуть запнулась, будто сама удивилась, что вообще сказала «мы». — Мы уже не вместе.

— Именно. Но бабушка... она до последнего верила, что мы сможем всё исправить. И поставила условие: мы должны прожить месяц в её усадьбе. Вместе.

Тишина повисла между нами, тяжёлая и неловкая. Полина смотрела на меня так, будто пыталась прочесть между строк, что я об этом всем думаю.

— Месяц? — переспросила она тихо. — И... что ещё?

Я сглотнул. Самое сложное было впереди.

— Спальня там... одна.

Её глаза расширились, но она не закричала, не швырнула чашку, не вскочила из-за стола. Просто медленно опустила взгляд на чашку, будто искала в чае ответы.

— Одна, — повторила она, скорее себе, чем мне. — И ты думаешь, я соглашусь?

И тут во мне всё перевернулось. Потому что в этот момент я понял: я одновременно хочу, чтобы она сказала «да» — чтобы у нас был этот месяц, шанс всё объяснить, всё вернуть, — и чтобы сказала «нет», потому что тогда мне не придётся смотреть, как она снова отдаляется. Не придётся видеть,

как её новая, уверенная версия столкнётся с моим старым, неуклюжим «я» и поймёт, что ничего не изменилось.

— Я не знаю, — честно признался. — Я вообще не знаю, правильно ли всё делаю. Но я не мог не сказать. Бабушка хотела... она верила, что у нас ещё есть шанс.

Полина помолчала, потом подняла глаза. В них не было злости, но и тепла не было — только спокойная решимость.

— Шанс на что, Саша? На то, чтобы снова делать друг другу больно? Или на то, чтобы наконец всё отпустить?

Я не знал, что ответить. Слова рассыпались, как песок сквозь пальцы.

Тогда она чуть наклонила голову, будто оценивая меня заново.

— Дай мне время подумать, — сказала она, и в этих словах не было просьбы — это было утверждение. Она имела право думать. И не обязана была соглашаться.

Я кивнул, чувствуя, как внутри всё сжимается.

А потом, вспомнив самое важное, достал из сумки конверт. Плотный, кремовый, с её именем, выведенным бабушкиной рукой.

— Это тебе, — протянул я. — Она написала письмо. Специально для тебя.

Полина взяла конверт осторожно, будто он мог обжечь. Провела пальцем по надписи, как будто пыталась почувствовать сквозь бумагу тот самый почерк, который был так дорог.

— Спасибо, — тихо сказала она. — Я... я прочитаю.

Мы снова замолчали. За окном падал легкий снег, укрывая город тонкой белой вуалью. А внутри кафе пахло кофе, корицей и прошлым — таким близким, что казалось, можно протянуть руку и коснуться тех дней, когда всё было проще.

Но проще уже не будет. И я вдруг понял: неважно, скажет она «да» или «нет». Эта встреча уже изменила всё.

ГЛАВА 2

Я села на скамейку в парке — ту самую, где мы с бабушкой Александра когда-то кормили уток, и она всё время ворчала, что я слишком много крошу хлеба, а потом сама подсыпала ещё. В руках у меня был конверт, и пальцы будто не хотели его открывать: будто, как только я его вскрою, всё станет настоящим, а не каким-то странным сном.

Мне нужно было пару минут, чтобы принять нужное решение. Прикрыла глаза, глубоко вздохнула и медленно выдохнула.

Разрезала край конверта маникюрными ножницами из косметички — привычка пекаря: всё делать аккуратно, без рваных краёв. Внутри — плотная бумага, запах ванили и старой бумаги, и почерк, который я узнала бы из тысячи.

«Моя дорогая Полли...»

От этого «Полли» у меня внутри что-то дрогнуло. Так называла меня только она. Александр никогда, даже в самые тёплые дни. Это было наше с ней слово, наше секретное имя, и теперь оно лежало на странице, будто протянутая ру-

ка сквозь время.

Я улыбнулась, а потом сразу же прикусила губу, чтобы не расплакаться прямо тут, на глазах у прохожих.

«Полли, если ты читаешь это письмо, значит, Саша всё-таки решил тебе всё рассказать. Прости, что вмешиваюсь. Знаю, ты не любишь, когда кто-то решает за тебя. Но я старая женщина, и у меня есть право немного поуправлять чужими судьбами — хотя бы на прощание.

Я видела, как вы были счастливы. И видела, как всё начало рушиться: не от большой беды, а от мелочей, от усталости, от того, что вы перестали говорить. А потом перестали и слушать друг друга.

Иногда второй шанс нужен не для того, чтобы всё стало как раньше. А чтобы понять: может, теперь всё будет по-другому? Может, вы оба стали другими — и именно поэтому у вас получится.

Не заставляю. Не требую. Но если ты согласишься провести этот месяц в усадьбе, знай: это не ловушка и не попытка вернуть прошлое любой ценой. Это просто время. Время для подумать, поговорить, может быть, даже помолчать вместе — но уже не в обиде, а просто рядом.

И если ты согласишься... я оставила для тебя кое-что особенное. По истечении месяца ты получишь рецепт нашего семейного торта — того самого, который ты пробовала у нас на Рождество и всё шутила, что ради него готова на всё. Помнишь?

Пусть это будет не обязательством, а маленьким подарком. За то, что ты хотя бы попробовала.

Твоя бабушка (ну, почти) В.»

Я дочитала и ещё минуту просидела, держа письмо на коленях, будто боялась, что ветер вырвет его и унесёт, а вместе с ним всё, что в нём было сказано. «Попробовала». Не «спасла», не «вернула», а просто «попробовала». И от этого становилось чуть легче.

А потом небо будто решило, что драмы недостаточно, и резко полил дождь. Крупные капли ударили по бумаге, и я, спохватившись, сунула письмо в сумку, вскочила и побежала.

Лиза меня уже ждалась.

Пекарня встретила меня шумом, запахом свежей выпечки и привычным хаосом. Лиза, моя подруга и правая рука, стояла у витрины и пыталась одновременно поправить эклеры, ответить на вопрос клиента и удержать на плече полотенце.

— Полина! Ты мокрая, как кот, которого сунули под кран!
— крикнула она, едва увидев меня, и тут же махнула кому-то: — Минутку, сейчас подойду!

Я стянула шарф, стряхнула воду с пальто, но это его не спасло. Ливень был косой, поэтому зонт особо не спасал от него. Повесила пальто на плечики, надеясь, что оно успеет высохнуть до вечера.

— Прости, не заметила, что начинается дождь и засиде-

лась в парке.

Лиза подошла, схватила меня за руку и потянула к кухне.

— Ты вообще куда бежала? В такую погоду надо стоять под козырьком, а не носиться по парку.

Я хотела пошутить, но голос подвёл.

— Я письмо читала. От бабушки Александра.

Лиза замерла. Полотенце сползло с плеча, но она даже не заметила.

— И что там? — спросила осторожно, уже без шуток.

Я достала письмо, аккуратно расправила чуть влажные края и протянула ей.

— Прочитай. Сама не знаю, что думать.

Пока Лиза читала, я пошла к печи, начала механически проверять температуру, переставлять противни — любые привычные действия, лишь бы руки не дрожали.

Лиза дочитала, подняла глаза. В них было столько всего: и сочувствие, и злость, и желание защитить.

— Месяц в одной усадьбе. С ним. И одна спальня. Полина, ты с ума сошла, если думаешь, что это хорошая идея.

Я вздохнула.

— Там не про «хорошую идею». Там про... шанс. И про торт.

Лиза фыркнула и закатила глаза, но тут же снова стала серьёзной.

— Торт? Серьёзно? Ты будешь рисковать своим спокойствием ради рецепта?

— Не ради рецепта, — тихо сказала я. — Ради «попробовать». Она так написала.

Лиза смотрела на меня долго, будто пыталась увидеть ту Полину, которая три года назад собирала чемодан и плакала так, что не могла выговорить ни слова. Ту, которая потом приходила к ней каждую неделю и говорила: «Я не справляюсь». Ту, которая училась заново говорить «нет», учиться печь так, чтобы руки были заняты, а голова — хоть немного свободна.

— Помнишь, как ты тогда сказала? — вдруг тихо произнесла Лиза. — «Я больше не хочу быть той, кто держится за всё из последних сил».

Я кивнула, не поднимая глаз.

— И я не хочу снова быть ею. Но... может, теперь я смогу быть другой? Не той, что цепляется, а той, что знает, что хочет и как к этому прийти?

В этот момент дверь распахнулась, и в пекарню ввалилась компания студентов, громко обсуждая, кто берёт круассан, а кто — кекс. Лиза на секунду закрыла глаза, будто собираясь с силами, а потом щёлкнула пальцами, возвращаясь в рабочий ритм.

— Ладно. Сначала обслужим. Потом продолжим.

Мы закружились в привычной рутине: я нарезала лимонный пирог, Лиза собирала заказы, мы кидали друг другу короткие фразы, как спасательные круги: «Сахар?», «Пакет?», «Сдачу?». Между делом успевали отвечать на вопросы, улы-

баться, упаковывать коробки с пирожными.

Когда поток немного стих, Лиза подошла ко мне, оперлась на стол и посмотрела прямо.

— Слушай, я не хочу тебя пугать. Но я видела, как тебе было плохо. Как ты собирала себя по кусочкам. И если сейчас ты согласишься на эту авантюру, я боюсь, что один неверный шаг — и всё снова рассыплется. Второй раз я могу тебя не вытянуть, будет больше... намного.

Я вытерла руки полотенцем, посмотрела на свои пальцы — в муке, в крошках, в мелких шрамах от горячей духовки. Мои пальцы. Мои шрамы. Моя пекарня. Моя жизнь. И я совсем не хотела, чтобы она разрушилась. Но если не попробую буду жалеть об этом всю жизнь.

— Я тоже этого боюсь, — призналась я. — Но знаешь, что страшнее? Что потом я буду думать: «А вдруг это был тот самый шанс, а я даже не попробовала?»

Лиза помолчала, потом вздохнула и потянулась за тестом.

— Ну, если будешь пробовать, то хотя бы не на голодный желудок. Давай допечём эти булочки. И... если решишь ехать, я буду звонить каждый день. И если скажешь «забери меня», я приеду хоть ночью.

Я улыбнулась. Впервые за день улыбка получилась настоящей.

— Договорились.

И мы снова взялись за дело: месили, раскатывали, посыпали корицей, ставили в печь. И между делом говорили о

пустяках — о том, что мука сегодня какая-то особенная, что клиенты любят, когда булочки тёплые, что дождь за окном уже не такой злой, а просто осенний, обычный.

А письмо лежало в моей сумке, сухое и тёплое, как будто бабушка всё ещё сидела рядом и тихо говорила: «Полли, ты справишься».

И я все больше склонялась к тому, что надо попробовать. Да и потом, такого рецепта торта точно ни у кого не будет. Никогда! И я хочу его заполучить! Успокаивала себя, что мне нужен только рецепт. Но прекрасно понимала, что это не так...

ГЛАВА 3

Я сидел за нашим большим столом из тёмного дуба и смотрел на чертежи так, будто они были написаны на незнакомом языке. Вокруг валялись распечатки, макеты, скетчи — всё, что мы успели сгенерировать за день, и ни один вариант не цеплял. В воздухе пахло бумагой, кофе и лаком от деревянных моделей. За панорамными окнами город медленно погружался в сумерки, и от этого становилось только тяжелее: будто время утекало, а мы топтались на месте.

Рядом со мной, откинувшись на спинку стула, сидел Максим — мой партнёр, друг ещё со студенческих времён. Он крутил в пальцах карандаш и хмурился, глядя на центральный макет.

— Мы упираемся в одну и ту же стену, — пробормотал он. — Каждый раз, когда пытаемся уйти от типовой сетки,

получается либо слишком дорого, либо нефункционально.

Я провёл ладонью по лицу, чувствуя, как усталость тянет вниз плечи.

— Нам нужен какой-то неожиданный ход. Что-то, что свяжет все эти разрозненные идеи, — ответил, крутя в руках карандаш и думая о своём.

Максим хмыкнул:

— Может, нам просто нужен выходной? Или хотя бы перерыв на пиццу?

Я уже почти кивнул, соглашаясь, когда телефон на столе тихо звякнул. Уведомление. Машинально скользнул взглядом по экрану — и вдруг замер.

Сообщение от Полины: «Я согласна. Давай попробуем пожить месяц вдвоем. Только не жди, что я буду всё принимать молча. Но... я готова попробовать».

Внутри что-то щёлкнуло, будто разом сдвинулся тяжёлый, заржавевший механизм. На секунду я забыл про проект, про усталость, про все эти бесконечные чертежи. Осталась только эта короткая фраза, простая и в то же время невероятно смелая.

И тут я вспомнил, как раньше, когда Полина была рядом, мне всегда становилось легче придумывать. Она не давала готовых решений, но её взгляд, её вопросы, её тихое «а если вот так?» заставляли мозг искать новые пути. Она умела видеть неочевидное — то, что я обычно пропускал.

Я выпрямился, и в груди появилось то самое чувство, ко-

гда идея только-только пробивается сквозь туман.

— Слушай, — сказал я Максиму, и голос прозвучал неожиданно твёрдо. — А что, если мы не будем пытаться сгладить углы, а наоборот — сделаем их частью концепции? Пусть эта «неровность» станет ритмом здания. Как будто оно растёт, а не строится.

Максим приподнял бровь.

— То есть... мы принимаем несовершенство как основу?

— Да. Не как компромисс, а как идею. Пусть это будет здание, которое не боится быть живым.

На его лице медленно расплылась улыбка.

— Знаешь, звучит как бред. Но именно поэтому может сработать.

Пока Максим уходил обсуждать идею с инженерами, я открыл переписку с Полиной. Пальцы сами набирали слова, будто хотели успеть сказать что-то важное, пока это чувство не рассеялось.

“Ты даже не представляешь, что сейчас сделала. Я только что нашёл решение для проекта, над которым мы бились весь день. Спасибо.”

“Рада, что пригодилась. Но не обольщайся: это не значит, что я теперь буду твоим личным источником вдохновения.”

“Договорились. Только на этот месяц. И только, если ты не против.”

“Посмотрим. Так что там с усадьбой? Когда едем?”

“Я могу забрать тебя завтра утром. Или, если хочешь,

встретимся прямо там.”

“Лучше ты заедешь. Не хочу тащить чемодан на электричке.”

“Ок. Тогда в девять?”

“В девять. Но предупреждаю: я буду с кофе и с плохим настроением до второго глотка.”

“Принято. Кофе беру на себя.”

“Ещё кое-что. У меня с собой будет коробка с печеньем. Это не подарок. Это стратегический запас.”

“Стратегический запас — это святое. Я куплю ещё.”

“Ладно. Тогда до завтра.”

“До завтра, Полина.”

На секунду задержал палец над экраном, будто хотел написать что-то ещё, что-то по-настоящему важное, но потом просто улыбнулся и убрал телефон.

На следующее утро я заехал за Полиной в девять утра. Хотя и взял себе выходной на сегодня, никогда нельзя быть уверенным, что он не прервется в любой момент. А хотелось бы успеть поселиться и привести дом в более-менее жилой вид. Надо было конечно вызвать клининг, но Полина так внезапно написала, да и не хотел давать ей время на передумать. Поэтому, что имеем, то имеем. В доме поддерживали чистоту, раз в месяц клининг делал генеральную уборку. Но когда дом не жилой, у него всегда специфический запах.

Полина ждала меня возле подъезда, хмурая, с одним

небольшим чемоданом. Явно не собирается надолго оставаться.

— Привет, — забрал у нее чемодан и положил в багажник, потом открыл переднюю дверь для нее.

— Доброе утро, — зевнула Полина, садясь в машину и пристегиваясь.

— Кофе, — кивнул ей на подстаканники, где стояли два стаканчика. — Латте на миндальном? Вкусы не поменялись?

— Идеально, спасибо, — коротко отвечает Полина и делает пару глотков, — сейчас приду в себя.

Я же плавно выезжаю на дорогу и еду в направлении усадьбы.

В машине тишина, немного неловкая, но в тоже время какая-то уютная. Решаю разбавить ее музыкой. Раньше мы любили вместе распевать знакомые песни. Сейчас на такое я не рассчитывал, но фон был нужен.

Мы ехали по узкой дороге, петляющей среди старых лип. Усадьба показалась за поворотом — каменная, немного суровая, но по-своему красивая, будто хранила в себе все секреты, которые когда-то шептали ей прежние жильцы.

Когда мы вошли внутрь, воздух был прохладным и пах деревом, пылью и чем-то неуловимо родным. Мебель стояла под пленкой, углы затянула тонкая паутина, паркет местами потемнел от времени. Но сквозь это лёгкое запустение всё равно проглядывала прежняя теплота дома — будто он просто ждал, когда его снова наполнят голосами.

Полина остановилась посреди гостиной, медленно оглядываясь.

— Здесь всё ещё пахнет прошлым, — тихо сказала она.
— Как будто бабушка просто вышла на минутку.

Я кивнул.

— Она любила этот дом. И хотела, чтобы он жил.

В этот момент из глубины коридора раздался тяжёлый топот, и в комнату ворвался Фредди. Огромный сенбернар замер, тяжело дыша, потом радостно фыркнул и бросился ко мне, едва не сбив с ног.

Полина рассмеялась, прикрывая рот рукой.

— Фредди! Я думала, он с тобой.

Я пытался удержать равновесие под натиском собаки и улыбался, сам не зная почему.

— Он отказался уезжать. Каждый раз, когда я приезжал, он упрямо ложился у двери и смотрел так, будто говорил: «Это мой дом, я его охраняю». Пришлось смириться и просто навещать его.

Полина присела на корточки, и Фредди тут же переключил внимание на неё, тыкаясь мокрым носом в ладонь.

— Ну здравствуй, страж. Ты тут главный, да?

Мы принялись понемногу приводить дом в порядок. Снимали плёнку с мебели, протирали пыль, открывали окна, чтобы впустить свежий воздух. Полина нашла в кладовке старые пледы и набросила их на диваны, чтобы добавить уюта. Я проверил отопление и убедился, что всё работает.

Время шло, и постепенно дом переставал казаться заброшенным. Он словно вздыхал с облегчением, будто был рад, что в нём снова звучат голоса.

Мы делали перерывы на перекусить. Готовить было некогда и спасала нас доставка и печенье Полины. Но на завтра бывшая жена обещала приготовить что-нибудь вкусненькое.

Когда солнце окончательно село, мы замерли посреди гостиной, оглядывая плоды своих трудов.

— Не идеально, — сказала Полина, отряхивая руки. — Но уже похоже на дом.

— На временный, — уточнил я, чуть улыбнувшись.

— На пока что наш, — поправила она, и в этом «наш» не было ни драмы, ни обязательств — просто констатация факта.

Фредди улёгся у камина, тяжело вздохнул и закрыл глаза, будто теперь, когда хозяева вернулись, можно было и отдохнуть.

Спальня оказалась небольшой, но светлой. Кровать была накрыта чехлом, который мы быстро сняли. Постельное бельё пахло лавандой — бабушка всегда клала саше в шкафы.

Полина села на край кровати, провела ладонью по покрывалу.

— Странно. Будто мы в каком-то другом времени. Как будто три года просто выпали из жизни.

Я остановился в дверях, не решаясь пройти слишком далеко, будто боялся нарушить хрупкое равновесие этого ве-

вчера.

— Если хочешь, я могу спать на диване.

Она подняла на меня глаза и покачала головой.

— Нет. Мы же взрослые люди. Просто... давай не будем усложнять. Сегодня мы устали. И просто ляжем спать.

Я кивнул, чувствуя, как внутри разливается странное, почти забытое спокойствие — такое, какое бывает, когда после долгого дня наконец-то попадаешь туда, где тебе рады, даже если ты сам в этом сомневался.

Мы легли, каждый на своей половине кровати, укрывшись одним одеялом. В комнате было тихо, только изредка поскрипывали старые балки, да Фредди ворочался вниз.

— Спокойной ночи, Полина, — тихо сказал я, глядя в темноту.

— Спокойной ночи, Саша, — отозвалась она, и голос её звучал мягко, без напряжения.

И в этой тишине, среди запахов старого дома и лаванды, мне впервые за долгое время показалось, что всё может быть в порядке. Хотя бы на сегодня.

ГЛАВА 4

Я проснулась оттого, что мне было тепло. Слишком тепло. Не так, как бывает, когда укуталась в одеяло, а по-настоящему — будто кто-то обнимал. И кто-то действительно меня обнимал.

Во сне я оказалась прижатой к Александру. Его рука лежала у меня на талии, лицо было совсем близко, я чувство-

вала его дыхание на своих волосах и запах его геля для душа. И тело помнило — помнило, как ложиться в эту позу, как подстраиваться под его дыхание, как идеально мы когда-то подходили друг другу во сне, даже если наяву всё рушилось.

Будильник зазвенел ровно в семь. Мы вздрогнули одновременно — он отдёрнул руку, я откатилась на край кровати, и секунду мы просто лежали, глядя в потолок, оба неподвижные, оба делающие вид, что ничего не было.

— Доброе утро, — сказал он, и голос был хриплым, сонным, и от этого голоса внутри что-то дёрнулось, потому что я помнила, как просыпалась под этот голос сотни раз.

— Доброе, — ответила я сухо, стараясь, чтобы прозвучало нейтрально.

Неловкость висела в воздухе, густая и липкая. Я уже открыла рот, чтобы сказать что-нибудь — хоть что-нибудь, лишь бы разрядить эту тишину, — когда дверь спальни с грохотом распахнулась и в комнату ворвался Фредди.

Сенбернар в сорока килограммов живого восторга запрыгнул на кровать с таким энтузиазмом, будто мы не виделись не несколько часов, а несколько лет. Он ткнулся мокрым носом мне в лицо, потом Александру в плечо, потом снова мне, и кровать затряслась от его виляющего хвоста.

— Фредди! Нет! — я попыталась оттолкнуть его, но он только радостно фыркнул и лёг поверх одеяла, придавив нас обоих.

Александр засмеялся — негромко, но искренне, и я пой-

мала себя на том, что тоже смеюсь, и неловкость растаяла, словно её и не было.

— Он решил, что мы теперь одно целое, — сказал Александр, пытаясь выбраться из-под собаки.

— Он решил, что мы его подушка, — поправила я и наконец оттолкнула Фредди, чтобы сесть.

Ванна была одна. Это я поняла, только когда вышла из спальни с полотенцем в руках и обнаружила, что Александр уже идёт туда с другой стороны коридора.

— Я первая, — сказала я, ускоряя шаг.

— Полина, мы можем договориться, — он тоже ускорил шаг.

— Я первая, потому что я проснулась раньше.

— Мы проснулись одновременно.

— Но я встала первой.

— Ты встала на две секунды раньше. Это не считается.

Я влетела в ванную и захлопнула дверь перед его носом. За дверью послышался тяжёлый вздох.

— Полина, у меня встреча в десять. Мне тоже нужно подготовиться.

— Ты архитектор, — крикнула я, включая воду. — Придумай архитектурное решение проблемы.

Тишина за дверью длилась недолго, он видимо придумывал, что мне ответить. Потом раздался его усталый голос:

— Очень смешно.

Я усмехнулась, стоя под горячей водой, и впервые за утро почувствовала себя почти нормально. Почти.

Нормальность закончилась, когда я вышла из ванной и обнаружила, что мои вещи — футболка, джемпер, носки — разбросаны по комнате, будто я переодевалась в циклоне.

Александр стоял посреди спальни и держал мой носок с таким выражением, будто нашёл археологическую находку.

— Полина, это... вот это вот — твоя жизненная позиция?

— Что? — я протянула руку за носком.

— Ты разбрасываешь вещи по всей комнате. Как конфетти. Тебе хочется везде создавать хаос.

— Это мой чемодан, мои вещи и моя половина комнаты. И это не хаос, а творческий беспорядок...

— Это общая комната. На этот месяц.

— Ну вот и живи со своим разочарованием, — отрезала я и забрала свой носок. Я и забыла как меня бесил его перфекционизм.

Он сжал губы, но промолчал. И от этого молчания стало ещё раздражительнее, потому что раньше он тоже молчал — всегда молчал, когда что-то не нравилось, вместо того чтобы просто сказать. И решить проблему разговором. Мой бывший перфекционист и мне захотелось разбросать все еще больше, чтобы его раздражение достигло пика. И может хоть тогда мы поговорим?

Завтрак был отдельным видом пытки.

Я пыталась пожарить яичницу, но сковорода на ста-

рой плите нагревалась неравномерно, и у меня получилось что-то среднее между омлетом и резиной. Александр полез к холодильнику, и мы столкнулись плечами, и он сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.